

На правах рукописи

КОЛЯСЕВА АЛЕНА ФЕДОРОВНА

**ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ ОБЫДЕННОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2014

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Сидорова Марина Юрьевна

Официальные оппоненты: **Ковшова Мария Львовна,**
доктор филологических наук,
ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»,
ведущий научный сотрудник Отдела
теоретического и прикладного языкознания

Шмелева Елена Яковлевна,
кандидат филологических наук,
ФГБУН «Институт русского языка
им. В.В. Виноградова Российской академии наук»,
старший научный сотрудник Отдела культуры
русской речи

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Защита диссертации состоится 24 сентября 2014 года в 14 часов 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»: http://www.philol.msu.ru/~ref/001_19_14.htm.

Автореферат разослан 19 июня 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Язык антропоцентричен и в соответствии с этим должен изучаться – такова установка современной лингвистической мысли, поэтому все языковые факты она стремится исследовать с позиции человека, порождающего текст или этот текст воспринимающего. С этой целью создаются и применяются особые лингвистические концепции – «языковая личность», «языковое сознание», «языковая картина мира», позволяющие создавать научные модели для описания языковой способности и языковой деятельности человека. В задачи лингвистики на современном этапе входит непротиворечивая организация этих концепций таким образом, чтобы их можно было продуктивно использовать для анализа языкового материала, и рассмотрение традиционных лингвистических объектов под антропоцентрическим углом зрения.

В реферируемой работе предпринята попытка описать специальную терминологию, смежные с ней языковые явления и терминологическую деятельность с позиций языкового сознания. Сознание понимается как лингвистический конструкт, «идеальное пространство, в котором хранятся знания и представления носителей определенной культуры о сложных явлениях внеязыковой действительности»¹ – в том значении, которое может быть полезно для исследования языковых фактов.

Актуальность темы исследования обусловлена тремя факторами:

1. Развитие антропоцентрического подхода в лингвистике, необходимость антропоцентрического переосмысления традиционных лингвистических объектов, продуктивного для объяснения функционирования языка в общей и специальной коммуникации;

2. Динамичность и новые особенности терминологической ситуации в ряде важных для развития современного общества сфер, в том числе наличие разнообразных субъектов терминотворчества и терминопользования;

3. Отсутствие терминологической и концептуальной ясности в трактовке понятия *языковое сознание* и в выделении типов языкового сознания на уровне, релевантном для объяснения конкретных языковых фактов.

¹ Чернейко Л.О. Лингвистическая релевантность понятия «концепт» // Текст. Структура и семантика: доклады XII международной конференции». Т. 1. М., 2009. С. 171.

В работе предложена модель языкового сознания, предоставляющая широкие методологические возможности для системного изучения языкового материала. Указанная модель не является единственной в лингвистике – о многоуровневости структуры языкового сознания писали А. Вежбицкая, С.Е. Никитина, М.Р. Шумарина, Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, А.Н. Ростова и др., однако новым в представленной в работе модели является использование в качестве ключевого критерия профессиональной квалификации говорящего.

Объектом исследования служат термины и соответствующие им единицы обыденного (непрофессионального) языка, а также метаязыковые (метатерминологические) высказывания носителей языка («показания метаязыкового сознания» – термин А.Н. Ростовской) относительно терминологии той или иной сферы. Методологический подход, положенный в основу диссертационного исследования (сопоставление обыденных и профессиональных представлений), обусловил выбор сфер, термины которых привлекались к анализу. Все они имеют выход на «массового потребителя», т.е. явления внеязыковой действительности, к которым отсылают анализируемые термины, актуальны не только для специалистов, но и для неспециалистов в данной области. Соответственно, в работе исследуется языковой материал главным образом из сфер, в которых активно осуществляется общение не только среди профессионалов, но и между профессионалами и «профанами»:

- 1) *медицинской;*
- 2) *компьютерной;*
- 3) *финансово-экономической.*

В задачи диссертации не входило полное комплексное описание терминосистемы или шире – лексики – той или иной конкретной области знания (такие работы в современной русистике многочисленны). В рамках данного исследования термины рассматриваются как отражение профессионального языкового сознания, а также как объект метаязыковой рефлексии, поэтому в соответствии с общей целью работы анализировались термины из разных областей, а не предпринималось изолированное исследование какой-то отдельной терминосистемы. Наиболее подробно рассмотрены следующие единицы: *термин, терминология, номен, номенклатура, мигрень, головная боль (цефалгия), психоз, невроз, бешенство,*

мания, дежа вю, гедонизм, инфаркт, маразм, склероз, дебильность, идиотия, ипохондрия, бенчмаркинг, cookies, entity, cascading style sheets, exploit, а также лексика компьютерного интерфейса и лексика «компьютерного» дискурса (установить, зайти, выйти и др.), не являющиеся терминами в полном смысле, но отчетливо сохраняющие связь с компьютерным дискурсом.

Предметом диссертационного исследования является соотношение разных типов языкового сознания в области терминологической лексики (терминологии) и смежных с ней языковых явлений. Под **терминологией** понимается совокупность терминов, используемых в определенной области знания. **Термин** при этом определяется как слово или словосочетание специального языка, принимаемое для «точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»². В круг **смежных явлений** включается лексика общеупотребительного языка, омонимичная термину или находящаяся с ним в отношениях полисемии, а также лексика, не являющаяся терминологической в полном смысле слова, но используемая исключительно в определенной сфере (например, лексика компьютерного интерфейса и глаголы, описывающие работу пользователей с компьютером и интернетом).

Цель диссертационной работы – разработать эффективную для лингвистического анализа функционирования терминов модель языкового сознания как лингвистического конструкта и установить, как различия между обыденным и профессиональным языковым сознанием, формируемым профессиональной принадлежностью носителей языка, проявляются в использовании и оценке терминов и смежной лексики.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) на основе имеющейся научной литературы и языкового материала (терминологическая и нетерминологическая лексика) определить понятие языкового сознания, установить структуру языкового сознания, выявить его типы и их соотношение;

2) рассмотреть особенности профессионального и обыденного знания и соответствующих типов языкового сознания;

² Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. С. 474.

3) выявить и продемонстрировать возможности исследования терминологии в рамках изучения языкового сознания;

4) дать объяснение современной терминологической ситуации в некоторых сферах на основе исследования языковых фактов, а также анализа метаязыковых (метатерминологических) «показаний» (термин А.Н. Ростовой) специалистов этих сфер;

5) изучить на примере конкретных лексических единиц соотношение обыденного и профессионального языкового сознания, в том числе обыденного и профессионального метаязыкового сознания.

Научная новизна исследования состоит в комплексном описании структуры языкового сознания, его типов с опорой на критерий профессиональной квалификации носителя языка, а также в синтезе двух областей лингвистического исследования, до сих пор в основном выступавших как независимые: терминология и языковое сознание (терминология рассматривается через призму языкового сознания).

Материалом исследования послужили тексты, относимые нами к профессиональному дискурсу той или иной сферы: специализированные энциклопедические словари, научные статьи, Международная классификация головных болей (2003), комментарии на профессиональных форумах (форум брокеров (www.procapital.ru), форумы и блоги для специалистов в компьютерной сфере на сайте Хабрахабр (www.habrhabr.ru)), а также материалы заседаний Терминологического комитета при Национальной лиге переводчиков. С другой стороны, анализировались тексты, набранные с помощью Национального корпуса русского языка и поисковой системы Yandex.ru и отобранные нами вручную как не относящиеся к профессиональному дискурсу.

Теоретической базой исследования послужили как классические работы по терминоведению (труды А.А. Реформатского, Г.О. Винокура, Д.С. Лотте, А.В. Суперанской, Т.Л. Канделаки, Р.Е. Березниковой, С.Д. Шелова, В.М. Лейчика, С.В. Гринева-Гриневица, Г.П. Мельникова, В.А. Татарина, Ю.Н. Марчука, К.Я. Авербуха и др.), так и работы, посвященные изучению языкового и метаязыкового сознания, а также языковой картины мира (А. Вежбицкой, А.Н. Ростовой, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой, С.Е. Никитиной, И.Т. Вепревой,

М.Р. Шумариной, Т.Н. Ушаковой, А.О. Корнилова, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, И.А. Стернина, Ю.Д. Апресяна, А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, Дж. Лакоффа и М. Джонсона и др.).

Теоретическая значимость исследования обусловлена вкладом в теорию языкового сознания и терминоведения. В результате исследования построена оригинальная схема структуры языкового сознания с опорой на критерий профессиональной квалификации говорящего, эффективная для лингвистического анализа функционирования терминов, изучены особенности вербализации научной и наивной картин мира посредством терминологической и нетерминологической лексики, а также предложено решение дискуссионного теоретического вопроса о соотношении терминологии и номенклатуры.

Практическая значимость исследования состоит в прояснении терминологической ситуации некоторых областей знания и выявлении нужд пользователей терминологии, что может способствовать ее успешной нормализации посредством совместной деятельности лингвистов и специалистов в конкретных профессиональных областях. Практическая значимость заключается также в возможности применения в лекционных и практических курсах по русскому языку, культуре речи для филологов и нефилологов, лингвокультурологии, терминоведению, спецкурсах по теории и практике профессиональной коммуникации. Сделанные наблюдения и полученные выводы могут использоваться на всех ступенях непрерывного лингвистического образования – от средней школы до повышения квалификации специалистов.

Положения, выносимые на защиту:

1) Разработанная модель языкового сознания, включающая такие **типы**, как **обыденный** (теоретически несистематизированный) и **профессиональный** (теоретически систематизированный), и такие **уровни**, как **глубинный** и **поверхностный**, позволяет анализировать языковой материал с учетом профессиональной квалификации продуцирующего или воспринимающего его носителя языка (или группы носителей). Схема позволяет рассматривать в этом ключе как тексты, отражающие глубинные, неосознаваемые процессы мышления в языке, восприятие внеязыковой действительности посредством языка, так и тексты, содержащие осознанные рассуждения о языке, вплоть до метаязыковой рефлексии

высокого уровня теоретической систематизированности (профессиональная лингвистика).

2) Деление на профессиональный и обыденный типы индивидуально для каждого носителя языка и не совпадает по уровням, так как выделенные уровни являются разноплановыми образованиями. В частности, предполагается, что профессиональный лингвист обладает профессиональным языковым сознанием на глубинном уровне (профессиональной надстройкой) и профессиональным метаязыковым сознанием, поскольку метаязыковая рефлексия является сферой его основной деятельности. С другой стороны, практикующий врач обладает профессиональным языковым сознанием на глубинном уровне, поскольку он владеет медицинской терминосистемой и, как предполагается, мыслит соответствующими понятиями, что позволяет ему общаться «на одном языке» с коллегами, однако его метаязыковое сознание должно быть признано обыденным, поскольку оно не является теоретически систематизированным (если он не имеет специальной лингвистической подготовки) и его метаязыковые высказывания будут отнесены к наивной лингвистике. Также в процессе осуществления коммуникации с пациентами, среди которых могут быть и лингвисты, врач в идеале должен осознавать, что они не обладают профессиональным медицинским сознанием и их познания в медицине являются обыденными, ненаучными, несмотря на то, что они также могут использовать слова, омонимичные терминам в строгом смысле слова, т.е. объем понятия об одном и том же заболевании у врача и пациента может не совпадать.

3) В соответствии с изложенным в п. 2 представляется невозможным говорить о границах между терминологической и нетерминологической лексикой в языке без учета характеристики говорящего в соответствии с предлагаемой моделью. Отнесение лексической единицы к термину или слову обыденного языка производится в зависимости от профессиональной принадлежности говорящего и его коммуникативных намерений. Иными словами, речь идет не просто об омонимии терминов и не-терминов. Говорить о том, является ли *мигрень* термином, имеет смысл, только если мы прибавим – для кого, в каком типе дискурса, то есть встанем на антропоцентрическую позицию.

4) Терминология различных профессиональных сфер служит материалом для

изучения языкового сознания в следующих аспектах:

во-первых, терминология той или иной сферы является важнейшим средством изучения профессионального языкового сознания как отражения национальной научной картины мира (в ее профессиональном срезе) и может быть в этом ключе сопоставлена с соответствующими участками обыденного языкового сознания. Также может быть рассмотрено взаимодействие различных типов языкового сознания в процессе осуществления профессиональной деятельности (например, коммуникация практикующего врача с пациентом);

во-вторых, терминология создает почву для исследования языкового сознания как объект обыденной и профессиональной метаязыковой рефлексии, провоцируемой нестабильной терминологической ситуацией, сложившейся в некоторых отраслях современной российской науки;

в-третьих, в аспекте терминологической деятельности терминология является результатом взаимодействия качественно разных типов языкового сознания (профессионального языкового, обыденного и профессионального металингвистического), что также может быть предметом лингвистического анализа.

5) В плане терминологической деятельности большую роль играет анализ метаязыковых высказываний специалистов в конкретных профессиональных сферах. Нестабильная терминологическая ситуация провоцирует метаязыковую рефлексия «наивных носителей» языка (но специалистов в своей области) по поводу профессиональной терминологии. В настоящее время возможности для открытых дискуссий такого рода предоставляет интернет. Сопоставление этих высказываний с научной лингвистической литературой позволяет установить общность и различия а) между требованиями к термину и методикой разработки терминологии у носителей обыденного и профессионального метаязыкового типа сознания; б) между терминоведческими идеалами и терминологической реальностью. Кроме того, активность пользователей терминологии в ее обсуждении:

- 1) свидетельствует о реальном существовании проблемы;
- 2) проясняет насущные нужды тех, для кого данная терминология создаётся;
- 3) как следствие, ориентирует профессиональных терминологов, т.к. учёт

требований к термину специалистов конкретной области знания помогает создать более удачный вариант, способный к внедрению.

6) Разграничение *терминологии* и *номенклатуры* релевантно для профессионального метаязыкового сознания, о чем свидетельствует повышенный интерес отечественного терминоведения к решению этого дискуссионного вопроса. Для обыденного метаязыкового сознания эта проблема неактуальна: нелингвисты даже в специальных текстах, как правило, пользуются этими общенаучными терминами в общеязыковом значении и употребляют их как взаимозаменяемые эквиваленты либо в виде линейной последовательности.

7) Отношение лингвистов-терминологов к разграничению терминов и номенов неоднозначно, в связи с чем представляется рациональным разграничивать номенклатуру и терминологию исключительно в тех случаях, когда того требуют конкретные задачи лингвистического исследования или практической работы. Это может быть типологическое исследование, направленное на выявление специфических свойств разновидностей специальной лексики, или лексикографическая работа, когда необходимо ограничить материал и свести его к наиболее существенным понятиям-терминам. В этих случаях разграничение терминов, номенов и других единиц становится ключевым. Если же рассматриваются общие особенности терминологической деятельности без акцента на конкретные средства терминообразования (приставки, суффиксы, компрессия и т.п.), целесообразно не заниматься разграничением терминов и номенов, а считать номены разновидностью термина в широком смысле (основываясь на положениях Г.П. Мельникова и некоторых других терминологов о «единственности» терминологической деятельности), а различия между термином и номеном признать несущественными для решения конкретных задач.

8) Изучение функционирования консубстанциональных единиц (термина и соответствующего слова обыденного языка, обладающих одинаковым языковым выражением) демонстрирует несовпадение в содержании по объему обозначаемых ими понятий (расширение или сужение значения слова в обыденном языковом сознании по сравнению с профессиональным), вступление в разные парадигматические и синтагматические отношения с другими лексическими единицами, а также наличие коннотаций в обыденном языковом сознании и

возможность переносного употребления слова в непрофессиональном дискурсе. Иллюстрацией этого служит медицинская сфера, так как медицинская терминология, несмотря на значительное количество узкоспециальных терминов, не понятных рядовому носителю русского языка (обыденному языковому сознанию), содержит большое число номинаций, которые соотносятся с лексическими единицами обыденного языка, отраженными в толковых словарях.

9) Специальная лексика компьютерного интерфейса находится на пересечении обыденного и профессионального языкового сознания и формирует видение компьютера и интернета как специалистами, так и неискушенными пользователями. Профессионалы в сфере компьютерных технологий для упрощения взаимодействия человека с компьютером создают метафоры, в соответствии с которыми организуется и лексика. Для непрофессиональных пользователей компьютерный интерфейс является данностью, они воспринимают предлагаемые им термины, но вместе с ними воспринимают и определенные метафоры, которые в их языковом сознании могут трансформироваться.

Апробация работы проходила в форме научных докладов на конференциях и конгрессах, в том числе Международной лингвистической конференции "Русское языкознание: история и современность" (Будапешт, 2014 г.), V Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2014 г.), Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2014, 2013, 2010, 2009), Международной научно-практической конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва, 2009 г.). По теме диссертации опубликовано 11 работ, в том числе 5 - в журналах, входящих в список изданий, рекомендуемых ВАК.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается основное содержание работы, обосновывается её актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель и задачи, положения, выносимые на защиту, указываются

структура, объект, предмет и материал исследования, а также определяется его теоретическая база.

В первой главе «Языковое сознание: структура и типы» трактуются теоретические вопросы, связанные с определением понятия языкового сознания. В связи с этим рассматривается история вопроса о соотношения языка и сознания от античности до наших дней, приводятся различные понимания термина *языковое сознание* в лингвистической литературе, и за рабочее принимается определение, данное Е.Ф. Тарасовым: «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств»³.

Структура языкового сознания представлена в работе как многоуровневое образование. В построении собственной модели мы исходили из двух положений.

1. Теоретическая подготовка в той или иной области, владение терминологией в строгом значении, включение ее в терминосистему влияет на восприятие мира и языка человеком, а значит, определенным образом организует его языковое сознание. Практический опыт диссертанта по преподаванию курса «Русский язык и культура речи» на различных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова подтверждает положение, что профессиональная подготовка оказывает влияние на восприятие слов языка – они начинают восприниматься в первую очередь в значении, актуальном для профессиональной деятельности студентов. Так, студент-математик при слове *период* даже вне математического контекста говорит не о периоде времени (в значении «промежуток времени в развитии чего-л., характеризующийся теми или иными признаками, особенностями»: *зимний период*, *переходный период*, *период цветения* и т.д.), а о *периоде* как термине, релевантном для его сферы, и рисует график. Филолог, возможно, вспомнит о *сложном синтаксическом целом*, но вряд ли о *периоде колебаний*. На слово *граф* только один студент-математик из группы в 17 человек дал ассоциацию ‘Монте Кристо’, все остальные говорили о «совокупности непустого множества вершин и множества пар вершин». Владение терминосистемой профессиональной сферы студентов накладывает отпечаток на их речь, в первую очередь на выбор номинаций: осознанно или неосознанно профессиональная терминология проникает в их

³ Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. / отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 26.

повседневное общение. Осознание омонимии терминов и слов быденного языка становится предпосылкой профессиональных анекдотов (например, о невозможности для математика играть в баскетбол, поскольку математик не способен понять, как можно *попасть в поле*, но не *попасть в кольцо*: *поле* для математика – частный случай *кольца*; о *компактности девушки*: в математическом понимании *компактный* – ‘замкнутый’ или ‘ограниченный’ и пр.).

Особенностью профессионального языкового сознания мы считаем владение **терминосистемой** – упорядоченной системой терминов, с одной стороны отражающей логические связи и отношения между соответствующими понятиями конкретной сферы знания (являясь их ментальной репрезентацией) – *логос*, с другой – являющейся частью лексического запаса национального языка в силу языкового выражения терминов, а именно представляющей собой особый пласт искусственно формируемой лексики, функционирующей в профессиональной коммуникации – *лексис*.

2. В какой бы концепции лингвисты ни объясняли язык, он остается достоянием Homo Sapiens: языком пользуются все – и практически все о нем рефлексируют в той или иной форме. В этом отношении пользователи языка делятся на две большие группы: те, кто осуществляет такую рефлексию профессионально (лингвисты), и те, кто делает это непрофессионально (наивные пользователи языка).

Деление языкового сознания на *глубинный уровень* (мышление в языке) и *поверхностный уровень* (метаязыковое сознание) связано с объектом сознания – окружающей действительностью или языком. *Метаязыковой уровень* рассматривается как верхний, наиболее явленный и осознанный, при этом термин *поверхностный* не определяет глубину проникновения в сущность явлений.

Метаязыковое сознание (поверхностный уровень) членится по степени теоретической систематизированности на *теоретически систематизированное* (его носителями являются профессиональные лингвисты) и *теоретически несистематизированное* (обыденные представления о языке). Хотя профессиональная лингвистика и является высшей формой теоретического осмысления языка, в процентном соотношении доля этого сектора крайне невелика по сравнению со всеми остальными пользователями языка. С другой стороны,

нелингвисты являются профессионалами в своей сфере, что также влияет на их язык и восприятие мира через язык и должно быть принято во внимание в процессе анализа языкового материала.

Глубинный уровень также неоднороден. В данном случае выделяется общенациональный пласт, принадлежащий всем носителям языка. На него накладываются профессиональные знания, формирующие национальную профессиональную языковую картину мира (профессиональное языковое сознание).

Поверхностный и глубинный уровень являются явлениями разного порядка, а значит, один и тот же носитель языка может обладать профессиональным языковым сознанием (например, специалист-медик), но обыденным метаязыковым сознанием (если он не обладает специальной лингвистической подготовкой).

Если первая глава имеет целью определить понятие языкового сознания и выявить и описать его типы и способы классификации, то **вторая глава** «Обыденное и профессиональное языковое сознание» подробнее трактует соотношение двух типов языкового сознания – обыденного и профессионального (на глубинном или поверхностном уровнях). С одной стороны, изучение профессионального и обыденного языкового сознания ставится в более широкий контекст изучения обыденного (дотеоретического, наивного, народного) и научного познания, в связи с чем рассматриваются различия обыденного и научного знания. Обращение научной мысли к обыденной лингвистике (народной, бытовой, естественной, обыденной) представляется закономерным этапом на фоне общего интереса науки к наивному знанию (наивная медицина, наивная метеорология и т.д.). Также освещаются основные направления изучения обыденной лингвистики (в отечественной и зарубежной традиции).

С другой стороны, изучение обыденного и профессионального языкового сознания вписывается в контекст проблем современной лингвистики, характерной чертой которой признается антропоцентрическая направленность (с этой целью в работе освещаются принципы и установки антропоцентрической лингвистики, а также свойственный ей круг проблем). В частности, изучение обыденного и профессионального сознания приводится в соответствие с двумя ключевыми вопросами антропоцентричной лингвистики – исследование языковой личности и

языковой картины мира.

В соответствии со схемой структуры языкового сознания, предложенной в первой главе, и выделенными типами языкового сознания рассматриваются возможности сопоставления обыденного и профессионального языкового сознания и выдвигается положение о том, что сопоставление необходимо проводить независимо на двух уровнях: глубинном и поверхностном (метаязыковом) – поскольку само языковое сознание специалистов в различных сферах классифицируется как профессиональное или обыденное в зависимости от его уровня. Далее рассматривается лингвистическая методология, выработанная для исследования круга вопросов, относимого в работе к глубинному уровню языкового сознания. Отдельно рассматриваются исследования в области метаязыкового сознания, при этом большое внимание уделяется активно разрабатываемому в отечественной лингвистике направлению изучения ОМЯС (обыденное метаязыковое сознание).

Третья глава «Терминология в свете изучения языкового сознания» раскрывает следующие аспекты и возможности исследования терминологии в целях изучения языкового сознания.

1) *Терминология как отражение профессионального языкового сознания, его соотношение и взаимодействие с обыденным языковым сознанием.*

Профессиональное языковое сознание отличается от обыденного языкового сознания неспециалистов в конкретной области знания, т.к. различия в опыте (знакомство с той или иной системой знаний и терминов) накладывают различия в восприятии. Например, лексема *мигрень* для специалиста в медицинской сфере и человека без медицинского образования означает различные вещи, ср.: *Я-то, признаться, раньше думала, что «мигрень» — это просто научное название головной боли. Ну, то есть все, что болит выше нижней челюсти, — это мигрень* [Аргументы и факты, gazeta.aif.ru/online]. Профессиональное медицинское языковое сознание вписывает *мигрень* в четкую систему терминов наряду с другими типами головной боли и не всякая «мигрень» в интерпретации рядового носителя русского языка будет классифицирована как таковая профессиональным медиком (профессиональным медицинским языковым сознанием). С другой стороны, для профессионального медицинского языкового сознания существует

абдоминальная мигрень, т.е. связанная с болью в животе, и «*обезглавленная мигрень*» - мигрень без головной боли, не известные обыденному языковому сознанию и, соответственно, не распознаваемые им как *мигрень*.

Аналогично, в профессиональном медицинском и обыденном языковом сознании не совпадает понятие о *психозе*. Если в профессиональном медицинском сознании психоз – серьезное душевное заболевание, сопровождающееся галлюцинациями и бредом, то в обыденном сознании происходит расширение значения: сохраняются семы ‘*крайняя степень проявления признака*’ и ‘*ненормальность*’, но уходит сема ‘*болезнь/заболевание/нарушение*’, ср.: *Моцарт не мог не быть Моцартом в этой благословенной Богом стране! А мой психоз — чистота! Я впервые вижу, чтобы прислуга выносила постельное белье после сна на балкон проветривать!* [Т. Окуневская. Татьяна день (1998)]. В обыденном языковом сознании *психоз* приближается к значению «зацикленности» на чем-либо и, как следствие, странности в поведении, предпочтениях – но в рамках адекватности в целом. Более того, происходит метафоризация исходного значения – слово начинает использоваться как характеризующее общее настроение, атмосферу. Анализ языкового материала показал, что в публицистических и художественных текстах, классифицируемых в работе как отражающие обыденное языковое сознание, *психоз* используется в значении *истерия, ажиотаж, массовая склонность и интерес к чему-либо*. Характерно, что в таких контекстах существительное *психоз* синтагматически может сочетаться с прилагательным *массовый*, которое само по себе противоречит представлению о серьезности психического нарушения, существенному для профессионального языкового сознания: *Массовый психоз поразил всех — от детсадовцев до многодетных матерей и отцов семейства* [Н. Барановская // «Известия», 2003.02.10]. Однако профессиональное языковое сознание в определенной степени базируется на обыденном (общенациональном) языковом сознании, потому что знакомство с языком и включение индивида в языковую картину мира происходит значительно раньше, чем получение специальных знаний – профессиональная надстройка накладывается на пласт лексики, используемой всеми носителями языка. Это значит, что профессиональный медик, прочитав предложение о массовом психозе, сможет идентифицировать *психоз* в нетерминологическом значении, опираясь на

общенациональный пласт в своем языковом сознании, и коммуникативной неудачи вследствие соприкосновения обыденного и профессионального языкового сознания не произойдет.

В этом аспекте методологически принципиально важно разграничивать сферы, как правило, не имеющие точек взаимодействия с обыденным сознанием (например, ядерная физика), где общение происходит исключительно между специалистами (сугубо профессиональный либо обучающий дискурс), и сферы, имеющие выход на «потребителя»-неспециалиста (такие как, например, компьютерная, медицинская сферы). Так, практикующий медик должен общаться с пациентами-неспециалистами и, обладая профессионально медицинским языковым сознанием, определенным образом организующим его восприятие в системе терминов медицины, объяснять медицинские проблемы на языке, понятном обыденному языковому сознанию. С другой стороны, он должен «перекодировать» изложение пациентом симптомов на язык медицинских классификаций.

2) Терминология как объект метаязыковой рефлексии.

Языковая природа термина обуславливает интерес к терминологии в аспекте изучения метаязыкового сознания, как теоретически несистематизированного, так и систематизированного, профессионального лингвистического. Метаязыковые рефлексивы предоставляют возможность выявить, какая номинация для носителей языка, которые являются профессионалами в своей области, но при этом наивными лингвистами, воспринимается как «хороший» термин, и сопоставить это видение с критериями, выдвигаемыми профессиональными лингвистами-терминологами. В качестве иллюстрации, в частности, анализируется метаязыковой комментарий специалиста по психиатрии по поводу целесообразности терминов *психоз* и *невроз* и делается вывод о принципиальности для этой категории критериев дефинированности и кодифицированности термина. С другой стороны, специфическим для медицины оказывается требование политкорректности.

3) Терминологическая деятельность как взаимодействие разных типов и уровней языкового сознания.

Несмотря на то, что в современной ситуации роль профессиональных лингвистов-терминологов при формировании терминосистем, как правило, сводится к минимуму, сами специалисты, как показал анализ комментариев,

посвященных переводу иноязычных терминов на русский язык, видят пользу в их привлечении: *«Мнение кафедры Днепропетровского университета [имеется в виду кафедра Компьютерных технологий при Днепропетровском национальном университете] я всячески уважаю, только хорошо бы ещё была привлечена кафедра русского языка, если такая имеется»* (дискуссия «Переводим слово “entity”», <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3985/>). Можно утверждать, что в идеале терминологии создаются при взаимодействии трёх типов сознания (как это осуществлялось в практике СССР):

- 1) профессионального сознания специалистов конкретной области (юристов, экономистов и т.д.), осмысливающего предметно-логическое содержание соответствующих областей знания;
- 2) их обыденного метаязыкового сознания, рефлексирующего над языковой стороной термина;
- 3) профессионального лингвистического сознания, дающего оценку термину с точки зрения его языковой правильности и языковой системности.

Также в главе производится анализ терминологических проблем некоторых специальных областей (главным образом, эти проблемы освещаются на примере экономической сферы). К причинам сложившейся терминологической ситуации отдельных сфер, новых и быстро развивающихся или претерпевших в последнее время значительные изменения, относятся: адаптация зарубежных научных теорий и моделей, отсутствие централизованного регулирования в области терминологии, общая тенденция к использованию английских слов вместо поиска соответствующего русскоязычного варианта. Сопоставление современной терминологической ситуации с более ранними периодами развития русскоязычной терминологии различных сфер позволяет выявить специфику современного этапа. Рассмотрение «показаний» обыденного метаязыкового сознания в отношении терминологической ситуации позволяет сделать вывод о ее нестабильности (в некоторых сферах). Современные терминологические проблемы иллюстрируются в главе на примере профессионального общения в интернете (например, форум брокеров), а также подробным анализом заимствованного термина *benchmarking* и предложенных вариантов его перевода на русский язык.

В четвертой главе «Сопоставление обыденного и профессионального сознания в разных сферах: поверхностный уровень» осуществляется практическое раскрытие заявленной темы диссертации относительно метаязыкового уровня. Глава построена на соотнесении показаний обыденного и профессионального метаязыкового сознания с учетом тех аспектов изучения терминологии, постулируемых в третьей главе, которые актуальны для метаязыкового уровня.

Глава состоит из двух частей. В первой с точки зрения обыденного и профессионального метаязыкового сознания рассматривается проблема соотношения общенаучных терминов *терминология* и *номенклатура*, *термин* и *номен*. Выбор объекта исследования обусловлен двумя причинами. Во-первых, вопрос интересен в теоретическом плане как проблемная область, до сих пор не решенная в отечественном терминоведении. Вторая причина следует из первой: неоднозначность вопроса способствует метаязыковой рефлексии по поводу этих единиц со стороны профессиональных лингвистов-терминологов (рассматриваемых как носителей профессионального, теоретически систематизированного метаязыкового сознания); в то же время, являясь метатерминами, эти единицы так или иначе используются в других областях науки (выбор слова *терминология* или *номенклатура* при классификации определенных явлений специалистами-нелингвистами относится в работе к неосознанному уровню теоретически несистематизированного метаязыкового сознания), что в комплексе предоставляет возможность сопоставить профессиональное и обыденное метаязыковое сознание.

Для профессионального метаязыкового сознания важно разграничение *терминологии* и *номенклатуры*, о чем свидетельствует повышенный интерес отечественного терминоведения к этому дискуссионному вопросу (рассматриваются точки зрения А.А. Реформатского, Г.О. Винокура, Д.С. Лотте, А.В. Суперанской, Т.Л. Канделаки, Р.Е. Березниковой, С.Д. Шелова, В.М. Лейчика, С.В. Гринева-Гриневица, Г.П. Мельникова и др.). Анализ реального употребления этих общенаучных терминов показал, что для профессионалов-нелингвистов, в частности медиков и биологов, эта проблема неактуальна: даже в специальных текстах, где слова должны быть использованы в их точном, терминологическом значении, *терминология* и *номенклатура* используются как синонимы, в

общеязыковом значении, зафиксированном в толковых словарях, и употребляются как взаимозаменяемые эквиваленты либо в виде линейной последовательности. Ср.: «Унификацию **терминологии**, касающейся определения **номенклатуры и классификации** болезней, нельзя установить простым декретированием» (Статья о классификации психических нарушений, www.insai.ru); *Анатомическая номенклатура (Nomina anatomica) – совокупность анатомических терминов. Римляне заимствовали ряд анатомических терминов у персов и египтян, положив в основу номенклатуры греческую терминологию* [Анатомическая номенклатура. www.medical-enc.ru].

В последнем контексте, взятом из медицинской энциклопедии, автор статьи не различает термины *номенклатура* и *терминология* и использует их в качестве взаимных эквивалентов, чтобы избежать лексического повтора. При этом для него неактуально, что в лингвистике единицей терминологии считается термин, а единицей номенклатуры – номен, поэтому *номенклатура* и оказывается «совокупностью терминов», в основе *латиноязычной номенклатуры* может лежать *греческая терминология*, и *номенклатура* может пополняться *терминами*. Заметим, что, если считать *номен* частной разновидностью *термина* в широком смысле (такая точка зрения обоснована в разделе работы, посвященном анализу точек зрения профессиональных терминологов), употребление слова *терминология* вместо *номенклатура* возможно: замена гипонима на гипероним допускается правилами логики. Но, тем не менее, в анализируемых контекстах такая замена не всегда оказывается логически корректной. Рассмотрим первое предложение: *Анатомическая номенклатура (Nomina anatomica) – совокупность анатомических терминов*. Если X есть совокупность Y, значение Y должно быть уже значения X. Иными словами, Y должно покрывать меньший объем денотатов, чем X. Терминология при широком понимании включает в себя номенклатуру, то есть ее значение шире. По логическим связям первое предложение аналогично сконструированному нами **Свора овчарок – совокупность собак*, которое, хотя и не является ложным, но не соответствует коммуникативной задаче определения, которое должно выявить специфические свойства определяемого объекта. Далее, *Римляне заимствовали ряд анатомических терминов у персов и египтян, положив в основу номенклатуры греческую терминологию*. Аналогично, если в основе X

лежит Y (X базируется на Y, и X есть расширение класса Y), значение Y должно быть не шире значения X. Эти логические принципы не соблюдаются в приведенном отрывке, поэтому он и создает впечатление терминологической путаницы.

На основе анализа реального употребления слов *терминология* и *номенклатура* в «нелингвистических», но при этом специальных контекстах делается вывод, что в них:

1) *номенклатура* может не отличаться по значению от *терминологии*;

2) в случае с *терминологией* и *термином* по сравнению с лингвистической дефиницией может происходить расширение значения и исключение элемента значения 'принадлежность к определенной области знания, сфере деятельности', который для термина в научном понимании является ключевым;

3) в обыденном языковом сознании нет понятия *номен*, хотя есть *номенклатура* (сближающаяся по содержанию с *терминологией* и *классификацией*);

4) *терминология* в обыденном языковом сознании может приобретать коннотацию 'не доступное для понимания неспециалиста, запутанное, чрезмерно (иногда намеренно) сложное'.

Вторая часть главы направлена на рассмотрение взаимодействия разных типов сознаний (обыденного и профессионального метаязыкового) при разработке терминосистем (в качестве проблемной области с неупорядоченной терминологией взята терминология компьютерной сферы). В рамках этой задачи анализируются метаязыковые «показания» компьютерных специалистов относительно терминологии и терминологической ситуации в их сфере и проводится их сопоставление с рекомендациями лингвистов-терминологов.

Анализ критериев, выдвинутых в процессе общения специалистов компьютерной сферы (но «наивных» носителей языка) на Интернет-форуме и являющихся отражением их обыденного метаязыкового сознания и в то же время насущных нужд, показывает справедливость основной части требований к идеальному термину профессиональных терминологов. «Наивные» носители языка, как и профессиональные лингвисты, среди самых важных критериев отмечают

а) **однозначность:** *«Про то, что часто есть и неоднозначность переводов и вспоминать не хочется (view — вид, отображение, представление...»* (дискуссия «Вопрос: Каким должен быть перевод технической документации и терминов в ней?»);

б) **краткость:** *«Предупреждаю, что варианты типа «маркер индивидуализации запроса» будут подвергаться общественному осмеянию»* («Испечём печенюку (cookie)»);

в) **благозвучность, отсутствие нежелательных ассоциаций:** *«Слово, безусловно, красивое. Но в некоторых кругах за него могут и по физиономии съездить, не разобравшись»* («Переводим слово “entity”»);

г) **лингвистическую правильность:** *«Так быть как раз не должно - множественное/единственное число должно образовываться по русскоязычным правилам!»* («Испечём печенюку (cookie)»);

д) **своязычность.**

Последнее требование вызывает споры, но в целом в анализируемых дискуссиях стоит отметить характерное нежелание пользователей слепо следовать иноязычной модели, стремление создать свой наиболее адекватный вариант термина. С другой стороны, частотно внимание к форме иноязычного термина, которая влияет на предложенные варианты, например: *«Насколько я понимаю, окончание "-ing" там есть неспроста. И, видимо, это нужно перевести как "каскадирующие" ну или "каскадируемые"»* (обсуждение термина «Cascading Style Sheets»). Чрезвычайно большое значение для пользователей имеет **мотивированность:** *«PS Вопрос что в них каскадного?»* (обсуждение термина «Cascading Style Sheets»); *«Некоторые источники предлагают «сокращение», но считать, например, «ù» сокращённой формой «ù» у меня язык не повернётся»* («Переводим слово “entity”»), - в то время как **требование независимости от контекста** оказывается спорным.

Выполнение всех указанных критериев – недостижимая задача, поскольку они часто действуют в противоположном направлении. Так, в некоторое противоречие вступают между собой требования **мотивированности** и **краткости**, конфликтующими в метаязыковом сознании специалистов могут оказаться и требования **мотивированности** и **внедренности:** *«Плавающими будем называть*

такие элементы, которые обтекаются по контуру другими объектами веб-страницы, например, контентом. Следует понимать, что никто и нигде не плавает, поэтому правильнее говорить «обтекаемые элементы», но с другой стороны термин «плавающий элемент» давно уже прижился, так что его и будем использовать в дальнейшем» (статья «Плавающие элементы», www.www-html.ru).

Пятая глава «Обыденное и профессиональное языковое сознание в разных профессиональных сферах: глубинный уровень» структурно параллельна четвертой: эта часть диссертации имеет целью рассмотрение на конкретном лингвистическом материале глубинного уровня обыденного и профессионального языкового сознания.

Аналогично четвертой, пятая глава подразделяется на две части. Первая часть посвящена выявлению соотношения обыденного и профессионального языкового сознания в медицинской сфере, где существует немалое количество терминов, не совпадающих по значению с их общеязыковыми аналогами (например, *склероз, маразм, инфаркт* и т.д.). Детально это соотношение проанализировано на примере лексемы *мигрень*.

С одной стороны, *мигрень* рассмотрена как слово общеупотребительного языка (обыденное языковое сознание), для чего методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка были набраны около 300 контекстов, не относимых нами к профессиональному медицинскому дискурсу. Также разбору подвергались определения, данные в толковых словарях. С другой стороны, *мигрень* проанализирована как термин, понятие, включенное в профессиональную картину мира, для чего привлекались тексты медицинских статей, энциклопедий и словарей. Таким образом, было установлено соотношение объемов понятий *мигрень* и *головная боль* в профессиональном и непрофессиональном дискурсах.

На основании немедицинских текстов можно сделать вывод, что *мигрень* по-прежнему остается в русской языковой картине мира заболеванием, имеющим «свой образ», мало изменившийся по сравнению с характерным для XIX в., когда считалось модным страдать мигренью, а также судить о том, что представляет собой мигрень для обыденного языкового сознания (о ее симптомах, причинах и даже лечении, а также коннотациях, связанных со словом *мигрень*). Языковой образ мигрени противоречив: с одной стороны, она ассоциируется с жесточайшей

болью, коррелирует с семантическим полем страдания и муки, с другой – воспринимается как нечто тривиальное, привычное, пустячное. Она может быть вызвана плохими условиями (шум, отсутствие сна, еды, однообразный труд), а может быть и результатом сибаритства, безделья и скуки. Мигрень непреодолима, она сравнивается со стихийным бедствием, войной (по ощущениям больного она так же разрушительна) – в то же время ее можно симулировать, использовать в своих целях. Не всякая болезнь допускает подобное «применение», и в этом также проявляется амбивалентность ее образа, поскольку «приступ» мигрени может быть средством как защиты, так и нападения.

При сопоставлении *мигрени* как слова обыденного языка и как термина выявлены различия в семантике, специфике синтагматических и парадигматических отношений и функционировании в речи.

Во второй части главы в свете исследовательских задач и концепции диссертации анализируется терминология компьютерного интерфейса, а также широкоупотребимая глагольная лексика, описывающая ситуацию взаимодействия «человек-компьютер». Привлечение ее как объекта изучения связано с тем, что, в отличие от компьютерной терминологии «для профессионалов» (рассматриваемой в четвертой главе), она создается профессионалами для непрофессионалов в том числе, то есть для людей, не обладающих специальной подготовкой в области компьютерной терминологии. В процессе семантического анализа вскрываются структурные метафоры, формирующие обыденное восприятие компьютера и того, что с ним связано:

- 1) Компьютер – это отдельный мир;
- 2) Компьютер – это механизм;
- 3) Компьютер – это книга;
- 4) Компьютер – это живое существо.

В главе исследуется вопрос о том, как компьютер и Интернет представлены в русском языковом сознании: на основании положения о метафоричности человеческого мышления, разбираются базовые метафоры этой сферы, являющиеся в своём большинстве лексико-семантическими кальками с английского, но уже вошедшими в русскую языковую картину мира. С другой стороны, этой же терминологией и лексикой пользуются и специалисты в компьютерной сфере,

поэтому эта область рассматривается в работе как область совпадения обыденного и профессионального языкового сознания.

В **заключении** приводятся основные результаты исследования и формулируются выводы. Рассмотрение обыденного и профессионального языкового сознания **на глубинном уровне** позволяет выявить языковые образы определенных фрагментов действительности в национальном языковом сознании. Рассмотрение обыденного и профессионального **метаязыкового сознания (поверхностного уровня)** позволяет изучать представления говорящих о языке и отдельных словах, их функциях и функционировании. В применении к терминологии подобный анализ вскрывает реальные нужды пользователей терминологии, их ожидания и представления о том, как должна формироваться терминология.

Приложение 1 содержит дополнительную иллюстративную информацию по некоторым «проблемным» терминам финансово-экономической терминологии.

В **Приложении 2** приведены полные тексты дискуссий по поводу компьютерной терминологии, анализируемых в главе 5.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. **Колясева А.Ф.** К вопросу о типологии специальной лексики: терминология и номенклатура // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1. М., 2014. С. 197 – 205.
2. **Колясева А.Ф.** О формировании терминологических знаний у иностранных студентов-медиков в курсе «Русский язык и культура речи» // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. №. 1, М., 2014. С. 35 – 39.
3. **Колясева А.Ф.** Терминология в свете изучения языкового сознания // Филология и человек. Вып. 2. Барнаул, 2014. С. 151 – 161.
4. **Колясева А.Ф.** Специфика современной терминологической ситуации // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Вып. 2, Ростов-на-Дону, 2014. С. 40 – 45.
5. **Колясева А.Ф.** Мигрень и головная боль в русскоязычном профессиональном медицинском и непрофессиональном дискурсах // Вестник

Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия Филология. Вып. 2. Т. 1. СПб., 2014. С. 177 – 182.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. *Колясева А.Ф.* Мигрень в русском обыденном языковом сознании // Структуры и функции: исследования по русистике. Т. 1. Вып. 2. Таллин: Publishing house Pushkin Institute, 2014. С. 29 – 45.
7. *Колясева А.Ф.* Консубстанциональные единицы: медицинский дискурс // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и Материалы. . М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 264 – 265.
8. *Колясева А.Ф.* Глагольная метафора в компьютерной сфере // Материалы XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 160 – 162.
9. *Колясева А.Ф.* Проблемы терминологии в свете оппозиции обыденного метаязыкового и научного лингвистического сознания // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Материалы Международной научной конференции «X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: Изд-во ИКАР, 2009. С. 138 – 144.
10. *Колясева А.Ф.* Нормализация компьютерной терминологии и обыденное метаязыковое сознание специалистов компьютерной сферы // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск 11. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 19 – 28.
11. *Колясева А.Ф.* Проблемы нормализации современной терминологии экономики и финансов // Материалы XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М.: МАКС Пресс, С. 69 – 70.